

Красноярск – Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по отделению этнографии. Красноярск, 1902. Вып. 1.

Липец – Рыбацкие песни и сказы / Подгот. текста Р. Липец. М., 1950.

Магай – Сказки Магая (Е.И. Сорокикова) / Записи Л. Элиасова и М. Азадовского. Л., 1940.

Ончуков – Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии): Сборник Н.Е. Ончукова. СПб., 1908.

Поимск – Песни и сказки Поимского района / Ред. и предисл. В.М. Сидельникова; Сост. А.П. Анисимова. Пенза, 1948.

РГО – Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества / Подгот. А.М. Смирнов. СПб., 1917. Вып. 1–2 (Зап. Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 44).

Садовников – Сказки и предания Самарского края / Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым. СПб., 1884.

Соколовы – Сказки и песни Белозерского края / Сборник Б. и Ю. Соколовых. СПб., 1999. Кн. 1–2.

Чернышев – Сказки и легенды пушкинских мест: Записи 1927–1929 гг. / Сост. В.И. Чернышев. М.; Л., 1950.

⁸ См.: *Яшин Д.А.* Удмуртская народная сказка. Ижевск, 1965; *Шушакова Г.Н.* Удмуртская волшебная сказка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990; *Она же.* Образы помощников героя удмуртской волшебной сказки // Специфика жанров удмуртского фольклора: Сб. статей. Ижевск, 1990. С. 14–21.

⁹ *Яшин Д.А.* Указ. соч. С. 28–37.

¹⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 410.

¹¹ *Шушакова Г.Н.* Указ. соч.

¹² *Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М., 1974.

Ю.А. Новиков
Вильнюс, Литва

Былины Прокопия Шуваева (опыт реконструкции репертуара эпического певца)

Исследователи русских былин обязаны великим собирателям прошлого не только фиксацией большого массива эпических песен, но и ценнейшими

внетекстовыми сведениями, касающимися характеристики локальных традиций, особенностей бытования былин, исполнительской манеры сказителей, истоков их репертуаров и т.д. Особенно богат такими материалами сборник Александра Дмитриевича Григорьева “Архангельские былины и исторические песни”¹. В нем есть и ставшие обязательными в русских научных изданиях обстоятельные вступительные статьи собирателя, и биографические очерки исполнителей, причем впервые в практике фольклористов-филологов столь большое внимание было уделено характеристике былинных напевов (*голосов*). Удачными новациями Григорьева следует признать приложенную к третьему тому подробнейшую карту всего европейского Севера России; обзоры вариантов былин и исторических песен с попыткой выделения разных редакций сюжетов; нотные записи многих старин; “Краткие дневники” трех его поездок по Архангельской губернии²; сведения об эпических песнях, которые он по разным причинам не зафиксировал; о тех певцах, которые были в отлучке или отказались сотрудничать с собирателем. Более того, Григорьев опубликовал все добытые им сведения о бытовании эпических песен за пределами обследованных им регионов с указанием фамилий сказителей, мест их жительства, а во многих случаях – и известных им сюжетов или хотя бы имен главных героев. Отдавая дань своим лингвистическим интересам, собиратель “делал при случае также записи диалектических черт разных деревень северного края” (в том числе из Олонецкой и Вологодской губерний), однако полевые тетради вместе с частью восковых валиков, на которых были зафиксированы эпические напевы, были утрачены после ограбления его варшавской квартиры (*Григ.*, 1, с. 7, 28). Таким образом, по разнообразию и почти исчерпывающей полноте внетекстовых данных “Архангельские былины и исторические песни” можно считать эталонным изданием в истории отечественной науки³.

Тема данной статьи “подсказана” А.Д. Григорьевым. Он продолжил традицию П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга, познакомивших любителей народной поэзии не только с творчеством выдающихся сказителей современности, но и с их давно умершими наставниками – Ильей Елустафьевым, Игнатием Андреевым, Кононом с Зяблых Нив и др. В своей статье “Кулойский и Мезенский края и былинная традиция в них” Григорьев подчеркивал: “Некоторые старины, записанные в большом числе вариантов, представляют несколько редакций и типов в зависимости от места их происхождения и учителей их певцов <...> по ним можно было бы восстановить репертуар некоторых прежних известных певцов, например, Прони, т.е. Прокопия Шуваева из Нижи; Мардария из Кузьмина Городка” (*Григ.*, 2, с. 31) (здесь и далее выделено нами. – Ю.Н.). Попытаемся хотя

бы в первом приближении решить эту задачу по отношению к кулойскому сказителю П. Шуваеву.

Реконструкция незафиксированного собирателями репертуара эпического певца требует предельной осмотрительности и осторожности в выводах, поскольку сведения сказителей об источниках их старин не всегда соответствуют действительности. В первую очередь, это относится к утверждениям об усвоении былин от загожих людей или на стороне. Некоторые исполнители, эпическое знание которых в значительной мере восходит к книге, утаивали этот факт от собирателей, называя имена своих мнимых учителей (И. Касьянов из Заонежья, Аграфена и Марфа Крюковы с Зимнего берега, Т. Кузьмин с Печоры, пудожане А. Пашкова и Н. Кигачев и др.). Иногда действовал своеобразный “гипноз авторитетов” – сомнительные или заведомо недостоверные сведения об источниках отдельных старин сообщали из желания связать их с творчеством прославленных сказителей старшего поколения (А. Сарафанова и П.И. Рябинин-Андреев из Заонежья)⁴, поэтому внетекстовые данные, при всей их важности, нельзя абсолютизировать, они нуждаются в тщательной текстологической проверке.

В случае с П. Шуваевым эта задача облегчается наличием большого количества контрольного материала. От пяти кулойских и четырех мезенских певцов А.Д. Григорьев записал от одной до шести былин, которые они возводили к репертуару знаменитого *Прони*, как его называли земляки; пять сюжетов зафиксированы по 2–3 раза. Шестнадцать предложенных ему “шуваевских” старин собиратель по разным причинам не записал, более десяти сказители уже забыли или просто слышали их от Прони. П. Нечаев из деревни Сояна хорошо знал братьев Шуваевых, Николая и Прокопия, но своим учителем считал первого из них. Он спел Григорьеву четыре былины, еще девять слышал, но не запомнил.

Столь широкая известность сказителя из Нижи во многом связана с особенностями бытования эпической поэзии на северо-востоке Архангельской губернии. Работавшие здесь собиратели подчеркивали исключительно важную роль промыслов в обучении сказительскому мастерству, широком распространении наиболее удачных версий и редакций эпических сюжетов. Хозяйственная деятельность и промысловый календарь поморов подробно описаны А.Д. Григорьевым (*Григ*, 2, с. 14–19). Даже летом они выкраивали по несколько недель для ловли семги и камбалы, охоты на белух. (По этой причине собиратель в июне–августе 1901 г. разминутся со многими людьми, пользовавшимися славой хороших старинщиков.) А ранней весной, осенью и зимой взрослые мужчины почти все время проводили в путях, вдали от родных деревень. Мезенцы и куляне отправлялись бить тюленей в восточную часть Абрамовского (Мезенского) берега, на Зимний

берег, остров Моржовец, западное побережье Канина полуострова. Но самым привлекательным издавна считался *путь* на Кеды (северо-западная часть Абрамовского берега – напротив острова Моржовец, к северу от села Койда). В иные годы здесь собиралось до тысячи промысловиков из разных регионов – от Зимнего берега до верховий Кулоя и средней Мезени.

Постоянство промысловых маршрутов, многомесячное общение долгими зимними вечерами, длительные перерывы в работе из-за капризов погоды создавали на редкость благоприятные условия для культивирования эпической поэзии. В этих краях былины довольно часто исполняли вдвоем или хором (*Григ.*, 2, с. 30, 249, 343; 3, с. 113, 253, 344 и др.); по словам кулоянина И.Д. Сычова, “на подлёдной ловле пело человек 10 вместе про “Васькупьяницу” (*Григ.*, 2, с. 299). Десятки раз подтягивая признанному мастеру, молодые поморы постепенно овладевали напевами, техникой сказительского мастерства, усваивали эпические стереотипы, секреты построения стиха и сюжетосложения. Обобщая свои наблюдения, А.Д. Григорьев подчеркивал: “Благодаря пению старин во время путей, когда собирается много мужчин, у хороших знатоков старин оказывается много учеников, как, например, у *Прокопия Шуваева* <...> о котором еще и теперь живет слава по всему Кулою и Мезени” (*Григ.*, 2, с. 30). Собиратель отметил еще одно немаловажное обстоятельство: “Большая часть времени *путей* приходится на Великий пост, когда петь песни нельзя и можно петь только старины” (*Григ.*, 2, с. 29).

С братьями Шуваевыми рыбаки и зверобои наверняка встречались и в их родной деревне. Через Нижу проходили маршруты, ведущие ко всем традиционным местам промысла, кроме Зимнего берега; здесь останавливались на ночлег пешеходы, всадники и лыжники, здесь пережидали встречные ветры карбасы и лодки кулоян и мезенцев. Николай Шуваев тоже был известен как знаток эпической поэзии. По свидетельству П. Нечаева, он в течение целой недели пел купцам Серебренниковым “в ночь по несколько старин (до 5–6) <...> и каждую ночь пел всё новые старины” (*Григ.*, 2, с. 249). Говоря о своих учителях, мезенцы и кулояне нередко называли обоих братьев, но судя по количеству упоминаний в сборнике Григорьева, Проня заметно превосходил Николая. Дальний родственник знаменитых братьев С. Шуваев утверждал, что сын Прони Федор и сын Николая Афанасий “также хорошо знают старины (может быть, и не по одному десятку)”. Собирателю не удалось проверить достоверность этой информации, поскольку оба они были в отлучке (*Григ.*, 2, с. 473). П. Нечаев рассказал о младшем брате Шуваевых, Ваньке, который якобы “знал лучше Миколы и Прони” (*Григ.*, 2, с. 249). Последнее свидетельство не вызывает доверия. Вряд ли сказитель с таким огромным репертуаром да еще и живущий “на бойком

месте” мог не привлечь внимания земляков; между тем даже имя Ивана Шуваева в сборнике Григорьева больше не фигурирует. Ср. единичное и гоже весьма сомнительное заявление Прелухина из Долгощелья о том, что его отец Федор Афанасьевич “знает <...> около 50 старин” (*Григ.*, 2, с. 33).

Жители соседних районов общались не только на промыслах. Встречались они и во время престольных праздников, на свадьбах (вторая жена Прони была родом из деревни Ручьи на Зимнем берегу), на ярмарках (Н. Шуваев демонстрировал свое искусство купцам Серебренниковым на Пинежской ярмарке), в старообрядческих скитах (чаще других упоминается Ануфриевский скит на полпути от нижнего Кулоя до Зимнего берега). В последние десятилетия XIX века “зонами повышенной контактности” стали один пинежский и два мезенских лесозавода, куда многие приходили на заработки издалека. Григорьев записал былины В.П. Аникеева на Русановском заводе в устье Мезени (*Григ.*, 3, с. 233). Кулояне часть срубленного леса *тянули* вверх по реке, в Пинегу, а часть сплавляли к устью, откуда пароход буксировал бревна на мезенские заводы.

В свете приведенных фактов не приходится удивляться тому, что жители северо-восточных регионов интенсивно обменивались эпическими песнями и другими фольклорными произведениями; А.В. Марков даже склонен был считать их единым “Задвинским” былинным районом¹. Один из лучших золотицких сказителей Г. Крюков часть своих старин перенял у мезенских *покручников*, приходивших на Зимний берег, а некоторые выучил на Кедах, где сам работал у мезенских хозяев. На восточные “корни” ряда своих былин указывали и другие золотицкие певцы (*Марк.*, с. 1001). Еще больше свидетельств такого рода в сборнике Григорьева: мезенцы учились сказительскому искусству у кулоян, кулояне – у мезенцев (*Григ.*, 2, с. 323; 3, с. 204–205 и др.).

В таких условиях формировался эпический репертуар Прокопия Шуваева, совершенствовалось его исполнительское мастерство, сильно повлиявшее впоследствии на творчество многих певцов младшего поколения. По словам П. Широкого из Долгощелья, сам Проня научился былинам у мезенского старика Ивана Мухи из деревни Жукова Гора; имя этого сказителя было известно и на Зимнем берегу (*Григ.*, 2, подстрочное примечание на с. 432). Не исключено, что и сам Проня был родом с Мезени. Опираясь на рассказы местных жителей, А.Д. Григорьев писал, что деревня Нижа “основалась сравнительно недавно. Теперь в ней 15 дворов <...> 60 лет тому назад здесь было всего 2 двора”. Первонаселенники Нижи – Безбородовы с Мудьюги (в 30–40 километрах севернее Архангельска), Карасевы из Востокурья на Северной Двине и Шуваевы, выходцы из села Лампожня в низовьях Мезени (*Григ.*, 2, с. 456). Характерно, что от представителей

первых двух фамилий, переселившихся из “небылинных мест”, собиратель ничего не записал. О возрасте Прони точных сведений нет. Его второй жене, Фекле Константиновне, в 1901 году было 48 лет, она овдовела за шесть лет до приезда Григорьева в Нижу. Среди учеников Шуваева преобладали люди, которым было за 60, а трем – от 82 до 89 лет. Поскольку на Севере не принято было в молодые годы претендовать на роль сказителя “первой руки”, а Прокопий Шуваев давно пользовался такой репутацией, логично предположить, что он был намного старше своей жены.

Упоминание (к тому же единственное) Ивана Мухи в качестве учителя П. Шуваева не означает, что все его былины восходят именно к этому источнику. Репертуары крупных сказителей, как правило, формировались на протяжении не одного десятилетия, они перенимали эпические сюжеты у 3-4 мастеров старшего поколения (Т. Рябинин и Г. Якушов из Прионежья, Г. Крюков с Зимнего берега, печорец И. Осташов и др.), а мезенец Е. Расолов назвал Григорьеву имена восьми своих учителей (правда, одну из былин он слышал сразу от двух певцов) (*Григ.*, 3, с. 265). Нет никаких оснований считать Проню исключением из этого правила. Даже заслужив славу признанного старинщика, он наверняка не только сам пел былины, но и слушал других, не оставаясь равнодушным к услышанному. История отечественной науки знает не один пример усвоения новых сюжетов или их версий 60–70-летними сказителями (Т. Рябинин, Ф. Коначков, И. Фофанов).

Результаты сопоставительного анализа текстов позволяют с высокой степенью вероятности считать входившими в репертуар П. Шуваева целый ряд эпических песен, записанных от его преемников. Прежде всего, это касается былины “*Дюк Степанович*”. Тексты И. Нечаева и Ф. Шуваевой (№ 263, 302), а также П. Широкого, считавшего своими учителями братьев Шуваевых (№ 295), настолько близки по композиции и стилю, набору оригинальных и редких деталей, что их генетическое родство не вызывает сомнений⁶. К ним примыкает вариант Е. Садкова (№ 230); поэтому не исключено, что лучший кулойский сказитель, найденный А.Д. Григорьевым, общался с Прокопием Шуваевым. Старину о Дюке “знал плохо или слышал только” С. Шуваев, племянник Прокопия и Николая, обязанный им своим эпическим репертуаром (*Григ.*, 2, с. 473).

Немного сложнее ситуация с былиной “*Добрыня и Алеша*”. Она записана от Ф. Шуваевой (№ 301), П. Широкого (№ 294), считавшего своими наставниками братьев Шуваевых, и М. Нечаева (№ 247) – сына и ученика упоминавшегося выше И. Нечаева. Несмотря на незначительное варьирование оригинальных элементов, во всех трех текстах достаточно четко просматривается единство первоисточника. Наибольшим своеобразием отличается былина Ф. Шуваевой, в которой рассказ о неудавшейся женитьбе

Алеши Поповича соединен с сюжетом “Добрыня и змей”. Комментируя данный текст, мы склонны были видеть в этом индивидуальную новацию певицы – у двух других учеников Прони ее нет, хотя в северо-восточных регионах Русского Севера такая комбинация обычна (*Григ.*, 2, с. 531). Привлечение мезенских записей позволяет внести коррективы: контаминация сюжетов, скорее всего, восходит к прототексту, то есть к варианту Прокопия Шуваева. Еще один его ученик Л. Прокопьев предлагал Григорьеву старину “*Купанье Добрыни, бой со Змеем*” и “*Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича*” (*Григ.*, 3, с. 440), но собиратель не стал откладывать свой отъезд из деревни (его уже ждала запряженная двуколка). Былину “Добрыня и Алеша” “знал плохо или слышал только” племянник братьев-сказителей из Нижги С. Шуваев. На Проню, как на своего учителя, ссылался еще один мезенский певец Е. Табуев, однако его вариант (№ 305) ничего общего с рассмотренными выше не имеет и генетически связан с книгой⁷.

Сюжет “*Илья Муромец и Соловей-Разбойник*” зафиксирован в двух вариантах. Т. Широкой связывал эту свою старину (№ 285) с именем Прокопия Шуваева, четко отграничивая от другой, которую он выучил у односельчанина (*Григ.*, 2, с. 365), а П. Широкой назвал своими учителями братьев Шуваевых (*Григ.*, 2, с. 432). Принадлежность этих текстов к одному былинному изводу не вызывает сомнений; некоторые оригинальные черты роднят их с записями с Зимнего берега. Другие кулойские варианты заметно отличаются – в них нарушена традиционная последовательность событий (Илья сначала побеждает и берет в плен Соловья-Разбойника, а потом вместе с ним освобождает осажденный врагами русский город). Напрашивается вывод, что данный сюжет входил в репертуар Прони и именно в такой его модификации. Хорошо знал эту старину и С. Шуваев (*Григ.*, 2, с. 473).

Былина “*Дунай-сват*” записана от двух кулойских и одного мезенского певца, связывавших свое эпическое знание со сказителем из Нижги. Их сопоставление затрудняется отсутствием ярко выраженных локальных редакций сюжета. Судя по внетекстовым данным, наиболее вероятны “шуваевские” корни варианта Л. Прокопьева (№ 384 – Мезень), однако в нем много отступлений от традиции, индивидуальных привнесений, “размывающих” контуры прототекста. Во всяком случае, с былинами Трофима и Павла Широких из Долгощелья (№ 284, 298) нет принципиально важных сходений. А вот тексты обоих кулойских певцов и примыкающий к ним вариант их односельчанина В. Буторина (№ 282), вероятнее всего, восходят к одному источнику. Т. Широкой не сообщил, от кого он усвоил эту былинку; его земляк считал своим учителем братьев Шуваевых, но А.Д. Григорьев отметил: “кажется, он кое-что перенял и у своего отца” (*Григ.*, 2, с. 432). Поэтому связывать их варианты с творчеством Прони можно только пред-

положительно. Косвенным подтверждением того, что “Дунай-сват” входил в репертуар П. Шуваева, служит свидетельство еще одного его преемника, А. Петрова. Эту старину он “знал раньше, но теперь позабыл” (*Гриз.*, 3, с. 74).

Все три варианта былины “*Илья Муромец и Сокольник*”, записанные от возможных преемников П. Шуваева, принадлежат к единой для северо-восточных регионов версии сюжета, но в деталях повествования заметно расходятся. Если даже они генетически связаны со стариной Прони, то в дальнейшем испытали сильное влияние местной традиции. Вариант П. Широкого (№ 299) вплоть до мельчайших деталей сходен с текстом Я. Попова (№ 288); былина А. Петрова (№ 320) примыкает к варианту В. Тяросова (№ 308), причем это не единственный пример близости эпических песен обоих сказителей из Долгощелья; начало былины Е. Бешенкина (№ 396) в деталях повествования повторяет старину Е. Рассолова (№ 364). Во всех трех случаях земляки указанных сказителей не сообщили точных данных об источниках своих вариантов “*Ильи и Сокольника*”. Связывать эти расхождения с частичным забвением исполнителями прототекста вряд ли правомерно: в текстах Широкого, Петрова и Бешенкина по-разному, но в традиционном духе, оформлены некоторые типовые эпизоды. Особенно заметны разночтения в предыстории Сокольника и в заключительной части произведения.

Сюжет “*Данила Ловчанин*” представлен вариантом П. Широкого из Долгощелья (№ 296). В деталях повествования в нем обнаруживается ряд сходжений с былиной его односельчанина А. Вишнякова (№ 292). Последний, правда, считал своим учителем отца П. Широкого – *Микифора Шингарёва* (*Гриз.*, 2, с. 415). Но поскольку во всем кулойском регионе бытовала оригинальная версия сюжета (с благополучной для главного героя развязкой), вполне возможно, что к ее созданию был причастен и сказитель из Нижи. К тому же он почти наверняка не раз общался с отцом П. Широкого на промыслах (Нижа расположена всего в 50 верстах от Долгощелья).

Старина “*Михайло Данилович*” записана от мезенца Л. Прокопьева, считавшего Проню своим наставником (№ 385). Принадлежит она к единой для всего Архангельского края редакции сюжета; некоторые оригинальные подробности роднят ее с кулойскими текстами. Очевидно, в репертуар П. Шуваева входила и былина “*Иван Годинович*”. Вариант, пропетый его женой (№ 300), содержит ряд редких деталей и формул, отсутствующих у других кулойских сказителей. Предлагал эту старину и племянник Прони, С. Шуваев, но Григорьев не стал еще раз фиксировать уже известную ему редакцию сюжета (*Гриз.*, 2, с. 473). Зато редкую в северо-восточных районах былину “*Три поездки Ильи Муромца*” собира-

тель от него записал (№ 304). В тексте немало оригинальных формул и постоянных эпитетов, но заметны и признаки забвения традиционной сюжетной схемы (третья поездка богатыря в сущности дублирует вторую). Впрочем, эту старину и в местах активного ее бытования (Пудога, Кенозе-ро) редко допевали до конца.

Популярную в Архангельско-Беломорском крае былинку “*Василий Игнатьевич и Батыга*” (“*Васька-пьяница*”) знала Фекла, жена П. Шуваева; текст собирателем не записан (*Григ.*, 2, с. 457); по словам П. Широкого, эту старину “он слышал у других” и переписал в тетрадь (*Григ.*, 2, с. 432). Был ли в числе “других” Проня, Григорьев не уточнил. От возможного преемника шуваевской традиции А. Петрова “Василий-пьяница” записан (№ 319), однако его вариант очень близок к текстам других мезенских певцов; в фонограф Петров пел вместе с Андреем и Ильей Тяросовыми (*Григ.*, 3, с. 626–627). Возводить старину Петрова к шуваевской можно лишь в том случае, если Тяросовы тоже были учениками Прони, а они указывали иные истоки своего эпического багажа (*Григ.*, 3, с. 113, 153).

По словам А.Д. Григорьева, жена Прокопия Шуваева Фекла “слыхала много, а поет мало, да и то не совсем хорошо” (*Григ.*, 2, с. 457). По этой причине собиратель не стал от нее записывать некоторые эпические песни, в том числе и былинку “*Добрыня и Златыгорка*”. Скорее всего, имеется в виду неудачный поединок Добрыни с богатыршей, который лучшие певцы Зимнего берега (Г. Крюков, Ф. Пономарев) включали в сюжет “Камское побоище” (*Марк.*, № 81, 94); знал всю эту старину и В. Чекалев, от которого А.В. Марков записал лишь ее начало (*Марк.*, с. 794; № 104). Без риска ошибиться можно включить в репертуар сказителя из Нижи былинку “*Садко*”, хотя она и не была записана от его преемников. Как утверждал П. Широкой, эта старина была в его тетради, упоминавшейся выше. Хорошо знал ее С. Шуваев (*Григ.*, 2, с. 473), нетвердо – Ф. Шуваева (*Григ.*, 2, с. 457). Прослушав пересказ Степана Шуваева, Григорьев отметил большое сходство с вариантом Е. Садкова из Немнюги (№ 263) – еще одно свидетельство возможных контактов этого певца с Проней. Слышал эту былинку и С. Поташов (*Григ.*, 3, с. 227). Ф. Шуваева усвоила от мужа былинку “*Михайло Потык*” (текст собирателем не записан); другие ученики нижского сказителя этот сюжет не упоминали.

Старина “*Бой Добрыни с Дунаем*”, записанная от А. Петрова (№ 321), – типичный образец мезенской редакции сюжета, по ряду важных параметров отличающейся от записей с Кулоя. Но ее в таком виде могли знать и Шуваевы, выходцы с низовий Мезени. Эту былинку предлагал пропеть племянник Прони С. Шуваев (*Григ.*, 2, с. 473). По свидетельству А.Д. Григорьева, Е. Табуев “умеет рассказывать <...> о том, как отвозили дани Батею

Батевичу, о чем он слышал от Прони” (*Григ.*, 3, с. 8). Очевидно, речь идет о сюжете “*Добрыня и Василий Казимирович*” – Батеем Батеевичем назван иноземный царь в обоих мезенских вариантах этой былины (№ 352, 358). К сожалению, осталась незафиксированной старина “*Сорок калик со каликою*”, входившая в репертуары Ф. Шуваевой (*Григ.*, 2, с. 457) и П. Широкого (*Григ.*, 2, с. 432); раньше ее знал, но забыл и А. Петров (*Григ.*, 3, с. 74).

Судя по всему, тема защиты Киева от вражеского нашествия разрабатывалась П. Шуваевым не в одной-двух, а в нескольких эпических песнях (ср. репертуары Т. Рябинина и Г. Якушова из Прионежья, Г. Крюкова с Зимнего берега, Ф. Чуркиной с Печоры и др.). Былину “*Камское побоище*” (“*Гибель богатырей*”) слышали А. Поташов и П. Широкой (*Григ.*, 3, с. 227; 2, с. 432), она записана от С. Шуваева (№ 303) и Е. Бешенкина (№ 394). Старина племянника Прони по ряду признаков примыкает к золотицкой редакции сюжета; текст Бешенкина с традицией Зимнего берега не имеет ничего общего и завершается гибелью Ильи Муромца, что вообще не свойственно записям из северо-восточных регионов. Видимо, этот вариант напрямую не связан с творческим наследием Прокопия Шуваева. От ученика Прони С. Поташова записана былина “*Мамаево побоище*” (№ 348), слышала ее от мужа и Фекла Шуваева (*Григ.*, 2, с. 457). Такое название местной версии сюжета “*Илья Муромец и Калин-царь*” было известно еще одному мезенскому певцу А. Мартынову (*Олёксе Малому*) (*Григ.*, 3, подстрочное примечание 2 на с. 561). Но в отличие от варианта Мартынова у Поташова нет контаминации с сюжетом “*Камское побоище*” – как отмечалось выше, его он слышал как самостоятельное произведение. В тексте немало необычных для мезенско-кулойской традиции элементов. Вражеское войско возглавляет *Скурлавец* (ср. с печорскими вариантами “*Василия Игнатьевича и Батыги*”, в которых доминирует имя *Скурла*), татарское нашествие отражают *Добрыня*, *Окольник* и *Алеша Попович*; *Илья Муромец* вообще не упоминается; естественно, нет и мотива его заточения в погреба. Возможно, это связано с тем, что в репертуаре Прони была еще одна версия данного сюжета – “*Илья в погребѣ*”. Ее знали Фекла и Степан Шуваевы, но оба текста остались не записанными (*Григ.*, 2, с. 457, 473).

На наш взгляд, есть достаточно веские основания полагать, что перечисленные выше двадцать эпических песен (две версии былины типа “*Илья и Калин*” и 18 других сюжетов) входили в репертуар Прокопия Шуваева. Это подтверждается анализом генеалогического соотношения вариантов, аналогичными по содержанию сведениями, идущими из разных источников. Особую ценность имеют свидетельства Феклы и Степана Шуваевых – жены и племянника нижского сказителя. Еще семь старин можно вклю-

чать в репертуар Прони лишь с существенными оговорками, поскольку данные об их генетических корнях отрывочны и недостаточно убедительны. Былина “*Илья Муромец и Идолище*” записана в Дорогой Горе от А. Петрова (№ 323), который определенно связывал с именем Шуваева только одну свою эпическую песню; некоторые его варианты близки к записям от сказителей Тяросовых из того же села. Эта старина значится в перечне произведений, переписанных в тетрадь П. Широкий (он слышал их “у других”). Тот же Петров пропел Григорьеву контаминированную былинку, в которой соединены сюжеты “*Василий Буслаев и новгородцы*” и “*Поездка Василия Буслаева в Иерусалим*” (№ 322). Оригинальные детали и формулы роднят ее с вариантом В. Тяросова (№ 307). Другие преемники Прони не упоминали песни о новгородском удалце. Но безоговорочно исключать их из “подтверждаемого” внетекстовыми данными списка былин Шуваева тоже нет оснований.

Еще более проблематично доказать наличие в репертуаре сказителя из Нижи сюжета “*Ставр Годинович*”. К концу XIX века он был практически забыт и на Кулое, и на Мезени. Тот факт, что Е. Табуев “умеет рассказывать про Ставра Годиновича” (Григ., 3, с. 8) – недостаточно веский аргумент. Былинку “*Козарин*” раньше знал С. Поташов (Григ., 3, с. 227). Артемий Петров утверждал, что “он знал раньше, но теперь позабыл” старину “*Бутыга*”, “который приезжает на кораблях; хотя здесь действует также Васька-пьяница, но мне говорили, что это – особая старина, отличная от старины “*Васька-пьяница и Кудреванко-царь*”, что Васька-пьяница не раз мог оборонять Киев” (Григ., 3, с. 74). Видимо, имеется в виду особая редакция былины о татарском нашествии, подобная той, что зафиксирована в Архангельском уезде (нашествие возглавляет *Батый царь, сын Батыевич*, татары прибывают в Киев на кораблях⁸. Наконец, в тетради П. Широкого была старина “*о Касьяне, который рвал опутины шелковые, но его ослепили*” (Григ., 2, с.432). Что это за сюжет, судить трудно. Определенно можно утверждать лишь одно – это не былина “*Сорок калик*”, ибо в ней нет богатырских поединков, временного пленения героя и т.д.; к тому же в местной редакции сюжета, в отличие от записей из Прионежья и Кенозерско-Каргопольского края, *атаманом* калик является *Михайло Михайлович*, Касьян лишь изредка упоминается в числе его спутников.

Таким образом, реконструированный репертуар Прокопия Шуваева из Нижи мог включать двадцать семь эпических песен. Подчеркнем, что речь идет только о былинах. Исторические песни, баллады и скоморошины А.Д. Григорьев записывал попутно, не всегда отмечая их в биографических очерках сказителей, что затрудняет текстологический анализ этих произведений.